

© 2009 г. Л.Л. КАСАТКИН

О ПРИРОДЕ ФОНЕМЫ

В статье предлагается трактовка фонемы как двусторонней языковой единицы, включающей означающее и означаемое, внешнюю оболочку и содержание. Означающее фонемы представлено множеством звуков, находящихся в дополнительном распределении и реализующих фонему во всех фонетических позициях, где она выступает, это ряд позиционно чередующихся звуков; означаемое фонемы представлено составом ее дифференциальных признаков, устанавливаемых на основе противопоставления фонемы другим фонемам в одних и тех же фонетических позициях. В истории языка могут происходить фонетические изменения (диахронические фонетические законы), которые могут касаться как означающего фонемы, так и ее означаемого, а также не касаться ни того, ни другого, но лишь приводить к перераспределению аллофонов по позициям*.

1. ФОНЕМЫ НЕ ОБЛАДАЮТ ЗНАЧЕНИЕМ

Широко распространено мнение, что фонетика изучает односторонние языковые знаки: звуки и фонемы, которые служат для формирования, различения и отождествления звуковых и фонемных оболочек двусторонних языковых единиц, обладающих значением – слов и морфем. Р.И. Аванесов писал: «Не обладая сами по себе значением, звуки речи служат в языке особого рода знаками, при помощи которых узнаются и различаются слова. <...> Звуки речи как особого рода знаки, при помощи которых различаются слова языка, точнее звуковая оболочка слов, называются фонемами. <...> Одно из принципиальных различий между грамматикой и фонетикой заключается в том, что объекты первой всегда представляют собой значимые единицы языка, а объекты последней, в том числе фонемы, – это единицы, не обладающие значением и даже не связанные непосредственно со значением, а лишь различающие звуковую оболочку значимых единиц языка – слов и морфем» [Аванесов 1956: 7, 15]; Р.О. Якобсон: «Языковые знаки представляют собой объединение звука и значения, или, другими словами, единство означающего и означаемого. <...> Фонема является дифференциальным знаком в чистом виде, знаком пустым, лишенным какого бы то ни было значения. <...> Язык – это единственная в своем роде система, элементы которой, являясь означающими, вместе с тем полностью лишены значения. <...> Сами по себе фонемы не имеют собственного значения <...>. В звучащей речи мы распознаем не столько различия между звуками как таковыми, сколько различия в их употреблении в рамках данного языка, то есть различия, не имеющие собственного значения, но используемые для того, чтобы отличать друг от друга сущности более высокого уровня (морфемы, слова)» [Якобсон 1985: 41, 65–66, 69]; см. также [Аванесов, Сидоров 1945: 5, 14, 68; Панов 1979: 8, 174; Трубецкой 2000: 10–11; Мартине 1963: 378–379; Глисон 1959: 32–33; Чейф 1975: 27; Лайонз 1978: 71; Буланин 1970: 5–6] и др.

* Публикуя данную статью Л.Л. Касаткина, редколлегия оставляет за собой право не соглашаться с рядом высказанных в ней положений и прежде всего с трактовкой фонемы как двусторонней языковой единицы.

2. ФОНЕМА В МОСКОВСКОЙ И ПРАЖСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛАХ

Между разными фонологическими школами существуют различия в понимании фонемы.

1. Основатели Московской фонологической школы (МФШ) определяли фонему как множество позиционно чередующихся звуков. Московские фонологи, писал Р.И. Аванесов, «считают одной фонемой весь ряд позиционных чередований», фонема с их точки зрения является «совокупностью звуков, находящихся в отношении позиционного чередования» [Аванесов 1956: 38–39]; см. также [Аванесов, Сидоров 1945: 39–44; Кузнецов 1959/1970; Сидоров 1971: 13; Реформатский 1996: 217–220].

По МФШ множество звуков, относящихся к одной фонеме, должно отвечать двум необходимым и достаточным условиям: 1) эти звуки должны находиться в дополнительном распределении, т. е. выступать в разных фонетических позициях и не встречаться в одной и той же позиции; 2) эти звуки должны позиционно чередоваться в одних и тех же морфемах. Никакие другие особенности звуков не принимаются во внимание.

Например, фонему /о/ представляет следующий ряд звуков:

позиции: 1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6 – 7 – 8 – 9 – 10 – 11
звуки: [о] – [о̣] – [о̇] – [ö] – [a³] – [a³̣] – [ə] – [ə̣] – [ʔə] – [иᵉ] – [иᵉ̣]

1. Под ударением после твердого согласного перед твердым и на конце слова: *подн[о̣]с, в[о̣]дный, ш[о̣]к, щен[о̣]к, бестолк[о̣]вый, бык[о̣]м, стриж[о̣]т; лиц[о̣], хорош[о̣];*

2. Под ударением после мягкого согласного перед твердым и на конце слова: *н[ʔ̣о̣]с, нудел[ʔ̣о̣]к, виши[ʔ̣о̣]вый, кон[ʔ̣о̣]м, печ[ʔ̣о̣]т; бель[ʔ̣̣], горяч[ʔ̣̣];*

3. Под ударением после твердого согласного перед мягким: *н[о̣̣]сит, подв[о̣̣]дник, щен[о̣̣]чек, бестолк[о̣̣]вее, стриж[о̣̣]те;*

4. Под ударением между мягкими согласными: *нудел[ʔ̣̣̣]чек, печ[ʔ̣̣̣]те;*

5. В 1-м предударном слоге между твердыми согласными: *н[a³̣]иу́, в[a³̣]да́, язык[a³̣]во́й;*

6. В 1-м предударном слоге после твердого согласного перед мягким: *н[a³̣̣]си́ть, в[a³̣̣]де́, ш[a³̣̣]ки́ровать;*

7. В безударных слогах, кроме 1-го предударного, после твердого согласного перед твердым или на конце слова: *в[ə̣]допа́д, телё́н[ə̣]к, оси́н[ə̣]вый, во́лк[ə̣]м; со́лнц[ə̣];*

8. В безударных слогах, кроме 1-го предударного, после твердого согласного перед мягким: *в[ə̣̣]дяно́й, вь́н[ə̣̣]силь, ла́ск[ə̣̣]вее;*

9. В заударном конечном открытом слоге после мягкого согласного и [ʔ̣̣]: *мо́р[ʔ̣̣̣̣], зё́ль[ʔ̣̣̣̣];*

10. В безударных слогах после мягкого согласного перед твердым: *н[иᵉ̣]сла́, вь́н[иᵉ̣]с, реч[иᵉ̣]во́й, чере́шн[иᵉ̣]вый, оле́н[иᵉ̣]м, полбо́ц[иᵉ̣]т;*

11. В безударных слогах между мягкими согласными: *н[иᵉ̣̣̣]сёт, кори́чн[иᵉ̣̣̣]вее, по́лбо́ц[иᵉ̣̣̣]те.*

По теории других фонологических школ множество звуков, относящихся к одной фонеме, обычно включает меньше звуков, чем по теории МФШ. Так, в Пражской и Санкт-Петербургской (Ленинградской) фонологических школах (ПФШ и СП(Л)ФШ), выдвигается требование определенной фонетической близости звуков, относящихся к одной фонеме. В отличие от этого по теории МФШ звуки, представляющие одну фонему, могут не иметь общих признаков. Так, в множество звуков, представляющих фонему /о/, входят, кроме [о], и звуки [a³], [иᵉ], которые отличаются от [о] и подъемом, и отсутствием лабиализации. По ПФШ и СП(Л)ФШ все эти звуки относятся к трем разным фонологическим единицам: фонеме /о/ и архифонемам /А/ и /И/ по ПФШ и фонемам /о/-/а/-/и/ по СП(Л)ФШ.

Изменения в определении «московской» фонемы внес М.В. Панов: фонема – «это функциональная фонетическая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков» [Панов 1979: 106]. Эта формулировка допускает новое понимание фонемы: ряд позиционно чередующихся звуков лишь представитель фонемы, иначе говоря, ее означающее. Что же тогда означаемое? М.В. Панов не ставил такого вопроса, для него фонема, как и для основателей МФШ, была самым этим рядом позиционно чередующихся звуков.

2. Иная точка зрения на фонему была сформулирована представителями Пражской фонологической школы.

Согласно замечательному открытию Ф. де Соссюра, содержание языковой единицы определяется ее противопоставлением другим единицам той же системы. Число и характер всех этих единиц влияет на содержание рассматриваемой единицы – число и характер ее дифференциальных признаков (ДП).

Так, значение глагольной формы с суффиксом *-л-* в русском языке зависит от наличия в глагольной системе других форм. В системе, аналогичной литературной, *Он уехал* обозначает действие, совершенное в прошлом. В говорах, где наряду с этой формой есть форма давнопрошедшего времени, *Он уехал* обозначает действие, совершенное в недавнем прошлом, тогда как о давно прошедшем действии надо сказать: *Он был уехал*. В говорах, где есть форма перфекта, *Он уехал* обозначает действие, совершенное в прошлом без соотнесения с настоящим, тогда как *Он уехавши* обозначает действие, совершенное в прошлом, результат которого есть и в настоящем: 'он уехал и его здесь нет'. Таким образом, значение формы *уехал* в разных говорах различно.

В русских говорах, где система терминов родства аналогична литературной, в значение слов *брат, сестра* не входит ДП «прямое / не прямое родство», как у слов *отец, мать, сын, дочь – дядя, тётя, племянник, племянница*. Для обозначения прямого или непрямого родства необходимо дополнительное указание: *родной брат, двоюродный брат, троюродный брат* и *родная сестра, двоюродная сестра, троюродная сестра*. В некоторых говорах есть слово *братан* со значением 'двоюродный брат' и слово *сестрёница* со значением 'двоюродная сестра'. В этих говорах слова *брат* и *братан, сестра* и *сестрёница* противопоставлены по этому ДП и в состав значения слов *брат* и *сестра* входит и ДП «прямое родство». Таким образом, значение слов *брат, сестра* в разных говорах различно.

Исходя из этого общего положения, представители ПФШ определяют фонему как сумму ДП, устанавливаемую на основе оппозиции фонемы другим фонемам того же языка (диалекта).

Так, в русских говорах с твердым цоканьем /ц/ единственная аффриката, этим признаком она отличается от всех остальных фонем, поэтому ее содержание характеризуется одним ДП – «аффрикатностью». В говорах, где наряду с /ц/, представленной звуком [ц], есть фонема /ч/, представленная твердым [ч], в состав ДП фонемы /ц/ входят «аффрикатность» и второй – «зубность», отличающий /ц/ от /ч/.

В говорах, где наряду с /ц/ есть фонема, представленная звуком [ч'], содержание фонемы /ц/ составляют тоже два ДП, один из которых «аффрикатность», а другой тот, по которому противопоставлены эти две аффрикаты. Звуки [ц] и [ч'] отличаются двумя признаками: [ц] зубной твердый, [ч'] передненёбный мягкий. Какой из них – место образования или твердость/мягкость – дифференциальный, а какой интегральный, зависит от веса этих признаков в системе, что, в свою очередь, зависит от развитости в говоре корреляции согласных по твердости/мягкости. В говорах с развитой этой корреляцией (как в литературном языке) она включает значительно большее число фонем, чем корреляция по зубности/передненёбности. Поэтому «твердость/мягкость» – дифференциальный признак фонем /ц/, /ч'/, а зубность [ц] и передненёбность [ч'] – интегральный. В говорах с неразвитой корреляцией согласных по твердости/мягкости (как в некоторых вологодских) фонемы /ц/–/ч/ противопоставлены как «зубная» «передненёбной», эти признаки дифференциальные, а твердость [ц] и мягкость [ч'] – интегральные.

Содержание фонемы /е/ в разных говорах может быть разным в связи с разным количеством гласных фонем в фонологических системах этих говоров. Так, в пятифонемной системе гласных, аналогичной литературной, у фонемы /е/ два ДП – «средний подъем» и «нелабиализованность». В говорах, где сохраняется фонема /ѣ/, содержание фонемы /е/ зависит от того, противопоставлены ли гласные фонемы по ряду, что связано с наличием или отсутствием противопоставления согласных фонем по твердости/мягкости, а также есть ли в системе фонема /ω/. В говорах с фонемами /ω/ и /ѣ/, где существует корреляция согласных по твердости/мягкости, фонемы /ω/ и /ѣ/ противопоставлены по «наличию/отсутствию лабиализации», фонемы /е/ и /ѣ/ – по «подъему». Содержание фонемы /е/ в таких говорах может быть охарактеризовано, как и в пятифонемной системе, двумя ДП: «средний подъем» и «нелабиализованность». Однако значение ДП «средний подъем» различно в пятифонемной и в семифонемной системах: в пятифонемной системе фонемы «среднего подъема» противопоставлены фонемам «верхнего» и «нижнего подъема» (занимают один уровень из трех), а в семифонемной системе – фонемам «верхнего», «верхне-среднего» и «нижнего подъема» (занимают один уровень из четырех).

Как видим, при таком определении дифференциальных признаков набор их у фонемы /е/ имеет одинаковые названия в пятифонемной и семифонемной системах. Связано это с неоднозначностью термина «средний подъем»: в пятифонемной системе фонемам «среднего подъема» противопоставлены три фонемы, а в семифонемной – пять. В пятифонемной системе фонемы «среднего подъема» /е/ и /о/ занимают 2/5 фонемного пространства, а в семифонемной системе – 2/7¹.

Говоры с системой гласных фонем, включающей фонему /ѣ/, могут различаться по качеству согласных, выступающих перед /ѣ/ и /е/: в одних говорах и перед /ѣ/, и перед /е/ могут произноситься парные мягкие согласные, а в других говорах перед /ѣ/ произносятся парные мягкие, а перед /е/ – парные твердые согласные. Однако эта особенность характеризует не сами фонемы /ѣ/ и /е/, не их содержание, а позиции, в которых выступают эти фонемы, то есть характеризует ту сторону фонологических систем этих говоров, которую определяет не система фонем, а синтагматические законы реализации и употребления фонем (см.: [Касаткин 1999: 390–397]).

3. ФОНЕМА – ДВУСТОРОННЯЯ ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА

М.В. Панов показал отличия между взглядами представителей МФШ и ПФШ, назвав единицу, описываемую МФШ, «парадигмо-фонемой», а единицу, описываемую ПФШ, «синтагмо-фонемой». М.В. Панов же показал и основу этих различий во взглядах: для «москвичей» главной была перцептивная функция фонемы, основанная на ее способности отождествления одних и тех же слов и морфем, выступающих в разных

¹ Описание содержания фонем можно построить иначе: на бинарных их противопоставлениях. Так, в пятифонемных системах гласных вместо трехчленного противопоставления «верхний подъем» – «средний подъем» – «нижний подъем» можно установить бинарное противопоставление: «верхний подъем» (фонемы /и/, /у/) – «неверхний подъем» (фонемы /е/, /о/, /а/), а среди фонем «неверхнего подъема» установить противопоставление «нижний подъем» (/а/) – «нижний подъем» (фонемы /е/, /о/). В такой системе /е/ характеризуется набором ДП «нелабиализованная» «неверхнего подъема» «нижнего подъема».

При семифонемной системе гласных вместо противопоставления четырех уровней: «верхний подъем» – «верхне-средний подъем» – «средний подъем» – «нижний подъем» можно установить бинарные противопоставления «верхний подъем» (/и/, /у/) – «неверхний подъем» (/ѣ/, /ω/, /е/, /о/, /а/), среди фонем «неверхнего подъема» установить противопоставление «нижний подъем» (/а/) – «нижний подъем» (/ѣ/, /ω/, /е/, /о/), а среди фонем «неверхнего подъема» «нижнего подъема» – противопоставление «средний подъем» (/е/, /о/) – «несредний подъем» (/ѣ/, /ω/). В такой системе /е/ характеризуется набором ДП «нелабиализованная» «неверхнего подъема» «нижнего подъема» «среднего подъема».

позициях, для «пражцев» же при определении фонемы главной была ее сигнификативная, или смысловоразличительная, функция, основанная на оппозиции фонемы другим фонемам в одних и тех же позициях [Панов 1967: 56–112, 206–235, 282–293; 1979: 190–193].

М.В. Панов писал о «московской» и «пражской» фонемах как о разных функциональных единицах. Позднее М.В. Панов, сохранив за «московской» единицей название «фонема», «пражскую» назвал «дифференциатором»: «дифференциаторы являются самостоятельными единицами относительно фонем, они не тождественны фонемам» [Панов 1997: 97–98, 133–134].

Но на самом деле это не разные единицы, как считал М.В. Панов, а отражение разных функций одной и той же единицы – фонемы, которая выполняет и сигнификативную, и перцептивную функцию: «фонема – это минимальная фонетическая единица, которая служит для различения и отождествления значимых единиц языка (морфем и слов)» [Панов 1979: 94; 1997: 97]. МФШ и ПФШ, как я уже отмечал, «описывая языковую реальность с разных сторон, дополняют друг друга. Поэтому теория фонемы должна строиться на синтезе взглядов МФШ и ПФШ» [Касаткин 2006: 143].

Разные шаги в сторону сближения со взглядами ПФШ делали, кроме М.В. Панова и основатели МФШ. Так, Р.И. Аванесов ввел понятие «слабой фонемы», перекликающееся с «архифонемой» ПФШ, понятие «дифференциальный признак фонемы» использовали в своих работах П.С. Кузнецов и А.А. Реформатский, а В.Н. Сидоров хотя и был против использования этого понятия, но писал о «знаковой ценности фонемы», связанной с числом и характером противопоставленных ей других фонем: «Модификации фонем неодинаковы. Одни модификации таковы, что фонема, изменяясь, противопоставляется всем прочим фонемам. И, следовательно, противопоставляясь другим фонемам, она никак не теряет своей функции знака. Она остается как знак совершенно полноценной. А если она попадает в позицию, где она не различается с другими, т. е. в позицию, в которой нельзя иногда определить, какая это фонема, то знаковая ценность фонемы здесь меняется. (Не различаясь с какой-то фонемой, она сокращает число возможных фонем, противопоставленных в этой позиции другим)» [Сидоров 1971: 17].

Путь к дальнейшему синтезу взглядов МФШ и ПФШ приводит к следующему пониманию фонемы. **Фонема – двусторонняя языковая единица, включающая означающее и означаемое, внешнюю оболочку и содержание. Означающее фонемы представлено множеством звуков, реализующих фонему во всех фонетических позициях, где она выступает, это ряд позиционно чередующихся звуков; означаемое фонемы представлено составом ее дифференциальных признаков, устанавливаемых на основе противопоставления фонемы другим фонемам в одних и тех же фонетических позициях.**

Таким образом, хотя фонемы не обладают значением в общепринятом смысле этого слова, но они имеют свое содержание – то, что Ф. де Соссюр назвал *valeur* ‘значимость’.

Близким к пониманию фонемы как двусторонней единицы было и у основателей ПФШ Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона. «Фонема – это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию. <...> Фонемы реализуются в звуках речи, из которых состоит любой речевой акт. Звуки никогда не являются самими фонемами, поскольку фонема не может содержать ни одной фонологически несущественной черты, что для звука речи фактически неизбежно. Конкретные звуки, слышимые в речи, являются скорее лишь материальными символами фонем. <...> Под фонологическим содержанием фонемы мы понимаем совокупность всех фонологически существенных признаков фонемы, то есть признаков, общих для всех вариантов данной фонемы и отличающих ее от других <...> фонем в данном языке» [Трубецкой 2000: 43, 71] (выделено мною. – Л.К.). Однако Н.С. Трубецкой не рассматривал содержание фонемы как означаемое, а ее реализацию в звуках речи как означающее, хотя фактически сформулировал именно это.

Р.О. Jakobson с другой стороны подошел к определению фонемы, он писал, что фонемы «являются двусторонними сущностями», но видел их специфику «в том, что, противопоставляя две разные фонемы, мы имеем дело только с одним конкретным и постоянным различием. Это различие затрагивает означающее, тогда как разница в плане означаемого сводится просто к способности этих фонем различать значения слов». Опираясь на взгляды Ф. де Соссюра, Р.О. Jakobson писал: «фонемы являются сложными единицами», они «неразложимы на более простые единицы во времени» на «оси последовательности», но «на оси одновременности» «каждая фонема содержит пучок различительных признаков». Поэтому фонема – «это единица, существующая в двух измерениях» [Jakobson 1985: 67, 82, 84, 86]. Здесь Р.О. Jakobson сформулировал то, о чем еще раньше писал А.А. Реформатский: «Фонемы являются простейшими наименьшими единицами языка, так как разделить их на более мелкие, последовательно произносимые единицы нельзя, но одновременно фонемы – сложные единицы, так как они состоят из разных одновременно сосуществующих признаков» [Реформатский 1947: 78]; см. также [Реформатский 1996: 215].

Различие между МФШ и ПФШ заключается, как сказано выше, и в оценке объема множества звуков, которое представляет фонему. По теории ПФШ фонема и архифонема – разные фонологические единицы, каждая из которых характеризуется своим набором ДП и реализуется своим набором звуков. По теории МФШ в множество звуков, представляющих фонему, входят звуки, которые представляют фонему и в сигнификативно сильных позициях, где она противопоставлена другим фонемам, и в сигнификативно слабых позициях (позициях нейтрализации), где она не различается с некоторыми фонемами или с одной из них и где выступает архифонема – общая часть нейтрализованных фонем. Поэтому архифонема по МФШ – часть фонемы, звуки, реализующие архифонему, входят в общий набор звуков, представляющих фонему (см. [Касаткин 2006: 116–123]).

В.Н. Сидоров возражал против использования понятия ДП при определении фонемы: «Если мы говорим о фонеме как знаке, то фонема не только не членится на более мелкие части, но по существу вы из нее не можете и выделить ее составляющих, ее акустических элементов. Она нечто целое. Это неделимое качество» [Сидоров 1971: 18]. По свидетельству М.В. Панова, В.Н. Сидоров объяснял свое отрицательное отношение к ДП тем, что «московская» фонема в разных позициях бывает противопоставлена разному количеству других фонологических единиц: в сигнификативно сильных позициях их больше, в позициях нейтрализации – меньше. Поэтому для «московской» фонемы не может быть установлен единый набор ДП, который характеризовал бы фонему независимо от позиций. Такой же точки зрения придерживался и сам М.В. Панов [Панов 1979: 190].

Выход из этого противоречия нашла К.В. Горшкова. «Московская» фонема имеет парадигматическое устройство, парадигму фонемы составляет весь ряд позиционно чередующихся звуков. Такое понимание парадигмы фонемы, как и сам термин, выдвинуты М.В. Пановым [Панов 1967: 229–230, 235; 1999: 14]. К.В. Горшкова предложила иное толкование этого термина: парадигму фонемы образуют несколько ее членов – главный и неглавные, они обладают разными различительными способностями и наборами ДП и могут состоять из ряда позиционно чередующихся звуков [Горшкова 1980: 80].

Исходя из этого понимания, весь ряд позиционно чередующихся звуков, воплощающих фонему, можно расположить не в одной плоскости, а представить в виде лестницы с несколькими ступенями. Первую, основную ступень парадигмы фонемы (главный ее член) составляют звуки, выступающие в сигнификативно сильных для этой фонемы позициях, другие ступени парадигмы фонемы (другие ее члены) образованы звуками, воплощающими архифонемы разных степеней. Каждая из этих ступеней парадигмы противопоставлена разному числу фонологических единиц, характеризуется особым у каждой ступени набором дифференциальных признаков и может быть представлена рядом позиционно чередующихся звуков.

Например, в русском литературном языке взаимоотношения гласных фонем могут быть показаны следующим образом (см. табл. 1):

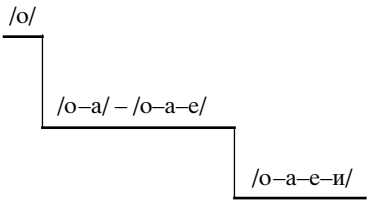
Таблица 1

Позиции \ Фонемы	/y/	/и/	/e/	/o/	/a/
1. Ѓ	[y]	[и] [ы]	[e] [э]	[o]	[a]
2. ГГ, #Г	[y]			[a^]	
3. СГ в 1-м предударном слоге	[y]			[a^]	
4. С'Г#	[y]			[э]	
5. СГ, кроме 1-го предударного слога	[y]				
6. С'Г, кроме С'Г#	[y]				

Позиции: 1 – в ударном слоге, 2 – в безударном неприкрытом слоге, 3 – в 1-м предударном слоге после твердого согласного, 4 – в безударном конечном открытом слоге после мягкого согласного, 5 – во всех безударных слогах, кроме 1-го предударного, после твердого согласного, 6 – во всех безударных слогах, кроме конечного открытого после мягкого согласного (влияние мягких согласных на качество соседнего гласного отражено в таблице частично).

Парадигма фонемы /o/ может быть показана следующим образом:

Схема

Первая ступень этой парадигмы (главный ее член) – фонема /o/ в сигнификативно сильных позициях, где она противопоставлена четырем остальным гласным фонемам /и/–/y/–/e/–/a/ (позиция 1 на схеме), характеризуется дифференциальными признаками «лабиализованная» «среднего (или “неверхнего” и “нижнего”) подъема». Эта ступень парадигмы представлена звуками [o]–[o̞]–[o̝]–[ö] под ударением (*до́м, берё́за, дбо́мик, берё́зе, бо́стров, бо́ттенель, се́ло, плечо́*).

Вторая ступень парадигмы представлена двумя архифонемами 1-й степени, которые включают разные наборы нейтрализованных фонем, но обе противопоставлены двум фонологическим единицам и характеризуются одним и тем же ДП. Архифонема /o–a/ противопоставлена архифонеме /и–e/ и фонеме /y/ (позиции 2–4 на схеме) и характеризуется ДП «неверхний подъем». Архифонема /o–a–e/ противопоставлена фонемам /и/ и /y/ (позиция 5 на схеме) и характеризуется тем же ДП «неверхний подъем».

Архифонема /o–a/ представлена звуками [a^]–[a^̞]–[э] в 1-м предударном слоге после твердого согласного, в безударном слоге в начале слова и в конечном безударном

открытом слоге после мягкого согласного (*дома́, облака́; доми́ще, окисли́тель; мо́ре – травá, адресáт; травé, алéть; мо́ря*). Архифонема /о–а–е/ представлена звуками [э]–[э'] в безударных слогах, кроме 1-го предударного, после твердого согласного (*домо-во́й, на́ дом, не́бо; долива́ть, выброси́ть; – трактори́ст, вы́гнал, не́ба; залива́ть, вы́звать; – центрово́й, скре́жет; тенниси́ст, о скре́жете*).

Третья ступень парадигмы представлена архифонемой 2-й степени /о–а–е–и/, которая противопоставлена фонеме /у/ (позиция б на схеме) и характеризуется одним ДП «нелабиализованная». Ее воплощают звуки [и^е]–[и^е'] в безударных слогах, кроме конечного открытого, после мягкого согласного (*те́мнó, те́мнотá, за́темно; вста́нете; – пята́к, пятачо́к, вы́ржусь; на́ пять; – дела́, делово́й, вы́делка; подели́ть; – сила́ч, силово́й, хо́дит; силёнка, хо́дите*).

Таким образом, в разных позициях содержание фонемы может меняться. Наиболее полно оно выявляется в сигнификативно сильных позициях, где фонема противопоставлена наибольшему числу других фонем. В сигнификативно слабых позициях фонема противостоит меньшему числу других фонем и архифонем, в этих позициях у фонемы состав ДП меняется. Полное описание фонемы должно учитывать всю ее парадигму с разными наборами ДП у ее членов. Краткое описание фонемы должно характеризовать ее содержание, ее ДП в сигнификативно сильных позициях (см. [Касаткин 2006: 112–114, 116–124]).

4. ФОНЕМА ПРИ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ИСТОРИИ ЯЗЫКА

В истории языка могут происходить фонетические изменения (диахронические фонетические законы), которые могут касаться как внешней оболочки фонемы, ее означающего, так и ее содержания, означаемого, а также не касаться ни того, ни другого, но лишь приводить к перераспределению аллофонов по позициям.

1. Так, утрата затвора аффрикатами [ц], [ч'] в западных южнорусских говорах приводила к изменению их в щелевые согласные: [ц] > [с], [ч'] > [ш']. Это было изменение означающего этих фонем, но одновременно произошло и изменение их означаемого.

1.1. Фонема /ц/ совпала с /с/, и фонологическая система уменьшилась на одну фонему. Набор ДП фонемы /с/ остался прежним: «зубная», «щелевая», «глухая», «твердая», но содержание признака «щелевая» изменилось: если раньше /с/ по этому ДП противопоставлялась «взрывной» /т/ и «аффрикате» /ц/, то после изменения [ц] > [с] у фонемы /с/ сохранилось противопоставление по способу образования только «взрывной» /т/. «Знаковая ценность», как писал В.Н. Сидоров [Сидоров 1971: 17], фонемы /с/ изменилась. Изменилась и ее функциональная нагрузка, увеличившаяся за счет прежней /ц/.

1.2. Изменение [ч'] > [ш'] не приводило к изменению числа фонем, но привело к изменению их соотношения, то есть к изменению системы фонем. Фонема /ч/, характеризовавшаяся дифференциальными признаками «передненёбность» и «аффрикатность», заменилась фонемой /ш'/, характеризующейся дифференциальными признаками «передненёбность», «щелинность» и «мягкость». Связь фонемы /ш'/ с фонемой /ш/ изменилась: теперь эти фонемы были связаны как «мягкая» с «твердой», эта связь была более устойчивой, так как она поддерживалась большим количеством фонем в корреляции по «твердости/мягкости» (см. [Касаткин 1965: 519–520; 1999: 308–309]). Иначе говоря, до изменения [ч'] > [ш'] интегральный признак «твердость» характеризовал означающее фонемы /ш/ – звук [ш], а после изменения [ч'] > [ш'] этот признак стал характеризовать и ее означаемое, стал ее ДП.

2. В древнерусском языке фонемы /ш/ и /ж/ реализовались мягкими [ш'], [ж'], а затем эти звуки отвердели в большинстве русских говоров и в литературном языке².

² В одних русских говорах [ш] и [ж] отвердели во всех позициях, в других говорах, как и в литературном языке, сохраняется мягкость [ш'] перед [ч'] и в сочетании [ш'ш']; мягкость [ж'] сохраняется в позиции рядом с таким же звуком в корне в качестве одного из орфоэпических вариантов; в говорах третьего типа [ш'] и [ж'] возможны и в других позициях; см. [ДАРЯ, I: карта 63; Касаткин 2001; Русск. диалект. 2005: 67–69].

При этом содержание фонем /ш/, /ж/ не изменилось, так как и в древнерусском языке, и в современном русском литературном языке, и в большинстве русских говоров у фонем /ш/, /ж/ нет парных фонем, противопоставленных им по твердости/мягкости. Твердость/мягкость звуков, представляющих эти фонемы, – это признак не дифференциальный, а интегральный и в системе древнерусского языка, и в системе большинства говоров современного русского языка. Но при одном и том же содержании фонемы /ш/ и /ж/ в древнерусском языке и в современном русском языке имеют разные означающие, представлены разными звуками. Фонемы /ш/, /ж/ древнерусского языка и фонемы /ш/, /ж/ современного русского языка – это разные фонемы, так как у них разные означающие. Эти фонемы – своеобразные межсистемные (в данном случае и межъязыковые) синонимы.

3. На протяжении XVIII в. в русском литературном языке, по-видимому, не произошло никаких изменений в реализации фонемы /е/, однако изменилось ее содержание в связи с утратой в эту эпоху фонемы /ѣ/. Количество фонем, противопоставленных фонеме /е/, уменьшилось, и изменилось содержание ДП «средний подъем» фонемы /е/: раньше /е/ противопоставлялась фонемам верхнего, верхне-среднего, среднего и нижнего подъёмов, а после утраты /ѣ/ – только фонемам верхнего, среднего и нижнего подъёмов. Во всех словах, где ранее выделялась фонема /ѣ/, на ее месте теперь стала фонема /е/, и ее функциональная нагрузка значительно расширилась. Фонема /е/ в русском языке в эпоху до утраты /ѣ/ и фонема /е/ в эпоху после утраты /ѣ/ – разные фонемы, так как у них разные означаемые, это своеобразные межсистемные омонимы.

4. Полное оканье заменилось неполным оканьем в среднерусских говорах и аканьем в Южном наречии русского языка. При этом соотношение /о/ и /а/ в ударных слогах осталось прежним, ДП этих фонем в окающих и акающих говорах одни и те же: в говорах с пятифонемным составом гласных /о/ – гласная «среднего (или “неверхнего”) и “нижнего”) подъема» «нелабиализованная»; /а/ – гласная «нижнего подъема». Но соотношение этих фонем в безударных слогах различно в говорах с полным оканьем, неполным оканьем и аканьем, парадигмы фонем /о/ и /а/ различны в говорах этих трех типов (см. табл. 2):

Таблица 2

Типы вокализма Позиции	Полное оканье		Неполное оканье		Сильное аканье	
	/о/	/а/	/о/	/а/	/о/	/а/
Ударный слог	[о]	[а]	[о]	[а]	[о]	[а]
1-й предударный слог	[о]	[а]	[о]	[а]	[а]	
Другие слоги	[о]	[а]	[ə]		[ə]	

Поэтому состав ДП фонем /о/ и /а/ и архифонемы /о–а/ в безударных слогах различен. При полном оканье противопоставление /о/ – /а/ с теми же ДП сохраняется во всех позициях. При неполном оканье это противопоставление сохраняется в 1-м предударном слоге, а в других безударных слогах эти фонемы не различаются, это позиция их нейтрализации, здесь выступает архифонема /о–а/ с ДП «неверхнего подъема». При сильном аканье такая же архифонема выступает во всех безударных слогах.

В позиции 1-го предударного слога при полном и неполном оканье ДП /о/ и /а/ те же, что и в ударном слоге: /о/ «среднего (“неверхнего”) и “нижнего”) подъема» «лабиализованная», /а/ «нижнего подъема»; при аканье архифонема /о–а/ «неверхнего подъема». В других безударных слогах: при полном оканье /о/ «среднего (“неверхнего”) и “нижнего”) подъема» «лабиализованная», /а/ «нижнего подъема»; при неполном оканье и аканье архифонема /о–а/ «неверхнего подъема».

5. В большинстве южнорусских говоров произошла прогрессивная ассимиляция по мягкости звука [к]: после мягких согласных [к] > [к']: *Вáнькя, уголькѣм, бáтькя, рѣдкя, гуськѣм, князькѣм, горькѣ, чайкю, пѣчкя*. В части южнорусских говоров такая ассимиляция произошла после парных мягких согласных и /j/ (тоже «мягкой» фонемы, составлявшей пару «твердой» /ʎ/), но отсутствует после звуков на месте исконной /ч/. В части севернорусских говоров и в некоторых среднерусских говорах такому смягчению подверглись и другие заднеязычные согласные – [г] и [х]: *деньгѣм, кочерьгѣ, ольхѣ, наверьхю* и др. Одним из условий такой ассимиляции было отсутствие противопоставления этих заднеязычных согласных по твердости/мягкости; см. [Касаткин 1968].

В результате этого фонетического процесса не произошло никаких изменений ни в наборе звуков, представляющих заднеязычные согласные фонемы, ни в содержании этих фонем, ни в системе фонем. Изменилась лишь реализация этих фонем в позиции после мягких согласных: твердый согласный заменился мягким.

6. Иными были следствия другого фонетического процесса в части русских говоров – регрессивной ассимиляции по назальности.

6.1. В некоторых говорах, главным образом севернорусских, сочетания [бм], [б'м'] изменились в [мм], [м'м']: *о[мм]áн, о[мм]ану́ть, о[м'м']éн, о[м'м']еня́ть, о[м-м]áтери* и т.п. В таких говорах фонема /б/ перед [м], [м'] внутри фонетического слова реализуется звуками [м], [м']; см. [ДАРЯ, 1: карта 81]; ср. в той же приставке: *о[б]вязáть, о[б]рѣзáть, о[б]ыгрáть* и т.п. При этом нет примеров произношения [м], [м'] на месте /м/ перед [м], [м']; все слова с сочетанием /мм/, /(м|м')м': *гáмма, сýмма, иммортéль, аммиáк* и т.п. в литературном языке заимствованные, в лексике русских говоров таких слов нет. Поэтому нельзя говорить о нейтрализации /б/ и /м/ в этой позиции: сочетания [мм], [м'м'] внутри слова и на стыке предлога и знаменательного слова всегда представляют сочетания фонем /бм/, /бм'/. Произошедшее в этих говорах изменение [бм] > [мм], [б'м'] > [м'м'] добавило в множество звуков, представляющих /б/, еще и [м], [м'], но не изменило состав ДП этой фонемы и систему фонем. Произошло изменение означающего фонемы /б/, но ее означаемое осталось прежним.

6.2. В значительной части говоров, знающих изменение [бм] > [мм], [б'м'] > [м'м'], произошло также изменение [дн] > [нн], [д'н'] > [н'н']: *мѣ[д']и – мѣ[нн]ый, хóло[д]а – хóло[нн]о, о[д']и́н – о[нн]á, о[н'н']и́, по[д]ви́нуть – по[н'н']я́ть* и т.п.; см. [ДАРЯ, 1: карта 81]. В таких говорах перед [н], [н'] фонемы /д/, /д'/ и /н/, /н'/ нейтрализуются; ср.: *со[н] – со[нн]ый, со[н'н']ик, ко[б'] – ко[бнн]ый, ко[н'н']ик*, где выступают фонемы /н/, /н'/ в этой позиции. Эта ассимиляция привела к пополнению набора звуков, представляющих фонемы /д/ и /д'/, звуками [н] и [н'], к изменению парадигм фонем /д/, /д'/ и /н/, /н'/, которые стали включать архифонемы /д–н/ и /д–д'–н–н'/, и соответственно к изменению взаимоотношения между фонемами /д/, /д'/ и /н/, /н'/, то есть и к изменению самой системы фонем. Произошло изменение и означающего, и означаемого фонем /д/ и /д'/ и изменение означаемого фонем /н/ и /н'/.

5. ДВУСТОРОННИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ФОНЕТИКИ И ГРАММАТИКИ

В чем же различие между фонетикой и грамматикой, если и в той и в другой науках рассматриваются двусторонние языковые единицы? В том, что означающее и означаемое грамматических языковых единиц находятся в разных языковых ярусах (фонетическом и грамматическом), а означающее и означаемое фонем – в одном фонетическом ярусе, но в разных его уровнях – собственно фонетическом и фонологическом³.

³ О ярусах и уровнях см.: [Реформатский 1987: 131–133].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1956 – *Р.И. Аванесов*. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов, Сидоров 1945 – *Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров*. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945.
- Буланин 1970 – *Л.Л. Буланин*. Фонетика современного русского языка. М., 1970.
- Глисон 1959 – *Г. Глисон*. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
- Горшкова 1980 – *К.В. Горшкова*. О фонеме в языке и речи // *Slavia orientalis*. 1980. DXXIX. № 1–2.
- ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. I–III. М.; Минск, 1986–2004.
- Касаткин 1965 – *Л.Л. Касаткин*. Утрата затвора аффрикатами [ч], [ц] в западных южнорусских говорах // *ИАН СЛЯ*. 1965. Т. 24. Вып. 6.
- Касаткин 1968 – *Л.Л. Касаткин*. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. М., 1968.
- Касаткин 1999 – *Л.Л. Касаткин*. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 2001 – *Л.Л. Касаткин*. Фонологическое содержание долгих мягких шипящих [ш':], [ж':] в русском литературном языке // *Русск. яз. в научн. освещении*. 2001. № 1.
- Касаткин 2006 – *Л.Л. Касаткин*. Современный русский язык: Фонетика. М., 2006.
- Кузнецов 1959/1970 – *П.С. Кузнецов*. Об основных положениях фонологии // *ВЯ*. 1959. № 2. (Перепеч. в [А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. М., 1970]).
- Лайонз 1978 – *Дж. Лайонз*. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Мартине 1963 – *А. Мартине*. Основы общей лингвистики // *Новое в лингвистике*. Вып. III. М., 1963.
- Панов 1967 – *М.В. Панов*. Русская фонетика. М., 1967.
- Панов 1979 – *М.В. Панов*. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
- Панов 1997 – *М.В. Панов*. Фонетика // *Современный русский язык* / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997.
- Панов 1999 – *М.В. Панов*. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Реформатский 1947 – *А.А. Реформатский*. Введение в языковедение. М., 1947.
- Реформатский 1987 – *А.А. Реформатский*. Лингвистика и поэтика. М., 1987.
- Реформатский 1996 – *А.А. Реформатский*. Введение в языковедение. 5-е изд. М., 1996.
- Русск. диалект. 2005 – *Русская диалектология* / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005.
- Сидоров 1971 – *В.Н. Сидоров*. О московской фонологической школе // *Развитие фонетики современного русского языка: фонологические подсистемы*. М., 1971.
- Трубецкой 2000 – *Н.С. Трубецкой*. Основы фонологии / Пер. с нем. А.А. Холодовича; Под ред. С.Д. Кацнельсона. 2-е изд. М., 2000.
- Чейф 1975 – *У.Л. Чейф*. Значение и структура языка. М., 1975.
- Якобсон 1985 – *Р. Якобсон*. Избранные работы. М., 1985.